

Он никогда не называл ЕЕ так: Ему больше нравилось по имени отчеству, официально, — Эльвира Аркадьевна. Это больше заводило, так как еще больше отдало ее от него. Жаждал назвать ее «Эльвирочка», но это была только мечта, прекрасный сон, который забываешь, как только просыпаешься от уничтожающего тебя вожделения, и только смутные видения, отрывки, и привкус чего-то терпкого на губах.

Он считал переход на «ты», от официального к интимному, очень значимым, и даже ее дочь, с которой жил вот уже 2 год, не называл ласкательными и уменьшительными именами на людях, а только — Анна. В постели с ЕЕ дочерью все было прекрасно, именно там он называл ее ласково — «Анечка», «Анютюта». Именно так, протяжно, когда, после долгих 8—9 часов разлуки, после горячих прикосновений и ласк, кончал в нее, наполняя этот прекрасный сосуд. Там же, на любовном ложе, он переходил и дальше — от интимного, нежного, к агрессивному, непристойному, и называл ее «стервой», «сучкой», «шлюхой». В момент, когда наслаждение достигало своего пика, ему доставляло удовольствие «унижать» ее, она прощала его, ибо любила его и хотела доставить ему удовольствие. Но его Анюта вряд ли простила бы ему, если бы узнала что он мечтает сделать с НЕЙ то же самое что и со своей «сучкой».

По правде говоря, он еще сам не понимал, что же именно ему необходимо для успокоения, и существует ли в природе рецепт, который прекратит его томление. Он никак не мог вспомнить, когда возникло в нем это чувство, переполнявшее его в последние недели. Когда он танцевал с ней в первый раз на одном из семейных праздников, он воспринимал это скорее как некий жест вежливости и только, сейчас же он считал дни до какого-нибудь торжества, чтобы быть рядом с ней в танце, всего на несколько минут, так близко, как могут быть близко люди, не связанные физическим, плотским кровением.

Эльвире Аркадьевне было 45 лет. На первый взгляд, стандартный похотливый взгляд мужчины, ее дочь была много привлекательнее, из-за своей молодости, конечно же. Эльвира Аркадьевна уже не двигалась с легкостью кошки, бюст ее был упругим только благодаря всяческим женским ухищрениям. Когда-то изящные, как у ее матери, ножки и круглая аккуратная попка превратились в шикарные бедра и задницу. Его всегда сводила с ума именно попка женщины, у Эльвиры Аркадьевны же, как у женщины ее возраста, эта часть тела была особенно привлекательной. Но на все это он начал обращать внимание уже потом, когда его мечты и видения начали формироваться во что-то четкое и определенное. Первое что поразило его в НЕЙ — были ее глаза, ее лицо:

Украшала она себя всегда спокойным, не вызывающим, как это любят делать некоторые дамы в ее возрасте, гримом. Подкрашивала волосы в рыжевато-каштановый цвет. Спокойные, немного усталые темные глаза, в которых загоралась шальная искорка, когда она улыбалась. Улыбка ее была замечательной: Да, пожалуй, он осознал теперь, что именно было первопричиной его мучений — ЕЕ губы... Не тонкие-строгие и не пухлые-страстные, а обычновенные, на первый взгляд. Но именно они не давали ему покоя. Как-то вечером они всей семьей сидели за столом, он смотрел, как она ест, приоткрывая их слегка, так что были видны белые зубки, кладет кусочек в рот, и начинает пережевывать, а иногда в уголочке появиться кончик язычка и облизнет губу. На второе было какое-то жирное блюдо, губы ее стали жирными и блестящими, и тогда его поразила впервые кощунственная мысль —

открываются ли эти губы когда-нибудь, чтобы принять в рот мужской член? Становятся ли они такими же блестящими и сочными не из-за капли растаявшего сливочного масла, а из-за обилия той естественной смазки, которую выделяет мужской орган во время подготовки к основному залпу, и которая сочится из уголка ее рта, когда женщина двигает ртом вдоль ствола, и край головки появляется и исчезает меж ее губок:

Он слышал, что не все женщины соглашаются на такой шаг, и даже своим мужьям не позволяют такого. ЕЕ дочь, его Анюта, сосала ему член часто, поначалу это было затруднительно для нее, но категорического отказа никогда не было. Это давало ему повод размышлять, что и Эльвира Аркадьевна в принципе бывает не против такого вида разврата. Да, повод размышлять и даже надеяться на что-то. Но на что? Ведь у Эльвиры Аркадьевны был муж, которого она любила и с которым жила многие годы. Сосала ли она его, брала ли хуй мужа в рот, глотала ли она всю сперму или не успевала? Все эти вопросы мучили и изводили его. Не давали ему покоя ни днем, ни ночью. И он понял тогда, чего он жаждет всей душой, всем телом, каждой клеточкой своего полового органа — он хотел положить свой член в эти губы! Больше всего на свете. Он заставлял сосать жену раз за разом, и, закрывая глаза, представлял Эльвиру Аркадьевну у себя между ног, стоящую на коленях, вот как стоит сейчас Анюта, рыжая короткая прическа Эльвиры закрывает от него это прекрасное зрелище, он опускает рукой напряженный, неподдающийся член, и смотрит, КАК ОНА делает это: Он еле сдерживался, чтобы ЕЕ имя не слетело с его губ во время оргазма, такое он себе позволял только во сне, и в последнее время эти сны участились, не смотря на то, что они с Анютой занимались сексом подолгу, и засыпали полностью обессиленные.

А так как человек никогда не останавливается на «достигнутом», то его фантазии постепенно распространялись и на остальное ЕЕ тело.

Их семьи много времени проводили вместе, часто они посещали вместе одну уютную сауну. Для него это был настоящий рай, нечто волшебное и незабываемое. Разумеется они все были в купальниках, но он мог наблюдать за Эльвирай Аркадьевной в парилке, случайно касаться обнаженного ее плеча, находиться рядом с ней в бассейне, любоваться ею, когда она лежала на полке ниже уровнем. Тот день запомнился ему несколькими инцидентами:

Началось все с бассейна, когда они все после парилки прыгнули в него, и лежали распаренные, нежась в прохладной воде: Ее муж прошел в душ, и они остались в бассейне втроем. Лениво проплывая мимо Эльвиры, ОН случайно коснулся рукой ее ноги с задней стороны бедра, чуть ниже линии плавок. Она вскрикнула слегка от неожиданности, и засмеявшись спросила: «Кто это?», обернувшись, увидела его и опять засмеялась. От этого прикосновения и ее улыбки он почувствовал такое возбуждение, что с трудом сдерживал эрекцию. Он выскочил из бассейна и прошел в раздевалку, там никого не было, и висели ЕЕ вещи, одежда, стояла открытая сумочка со всякой ерундой. Прикосновение к ее ляжке с новой силой вспыхнуло в его памяти, когда он почувствовал запах духов, которым была пропитана ее одежда. Он зарылся лицом в ее кофточку, и вдыхал, впитывал ее запах. Член его набух необычайно, вырос в размерах, он запустил руку в плавки и обхватил его. Он стоял бы так еще долго, но они стали звать его из парилки. Но он не мог идти туда в таком виде! Плавки были ему немного маловаты, и вставший член показывал свою головку из-за резинки. Тогда он схватил первое попавшееся под руку полотенце и, обернув им бедра поверх плавок, спустился в парилку.

Войдя в парилку, он понял, что чуть было не пропустил самое интересное. Народ собирался

париться веником, причем первую собирали парить Эльвиру Аркадьевну. Она уже лежала на втором полке на спине и что-то весело говорила, о том что ей страшно и просила мужа не парить ее сильно. На третьем полке никого не было, так как там было жарко по общему мнению. Он быстро пробрался туда, причем по пути ему пришлось перебираться через Эльвиру Аркадьевну, и он еще раз поразился, как она хороша. Он лег на полок и, внешне безразличный, через полусомкнутые веки стал наблюдать за процессом. Муж Эльвиры стал легонько охаживать ее веником, начиная с ног и постепенно продвигаясь все выше и выше. От его ударов мокрая, покрытая бисеринками пота, розовела, становясь еще более привлекательной и соблазнительной. Возбуждение лежащего прямо над ничего не подозревающей Эльвири, возрастало, он еле сдерживался, чтобы не схватить стоящий как палка член руками и не начать массировать его, чтобы сбросить с себя ставшее уже нестерпимым груз вожделения. Удары наносились по ляжкам, грудям, животику Эльвиры Аркадьевны и каждый удар, каждое ответное движение ее роскошного тела, толчком крови отдавалось в его напряженном донельзя половом органе. В этот момент она попросила перерыв, чтобы перевернуться на живот. Когда она сделала это, его взору предсталла та часть женского тела, которую он боготворил: Удары веником продолжились, и когда веник касался задницы Эльвиочки (он уже готов был выговорить это имя), он закрывал глаза, потому что был уже на грани помешательства. Горячий воздух, исходивший от веника, также делал свое дело, и теперь его буквально тряслось, тело его покрылось потом, полотенце было почти все мокрое, когда вдруг муж Эльвиры сказал, что ему жарко и ему надо выйти из парилки. Она сказала, что очень хорошо, так как уже немного устала и теперь надо намазать ей спину специальным составом из меда, который стоял тут же, приготовленный. Супруг Эльвиры вышел, и она осталась наедине с человеком, который еле смог выговорить в ответ «хорошо», когда она попросила помочь намазать ей спинку. Он не верил своему счастью! Полки были невысокие и он вполне мог дотянуться до баночки с составом, зачерпнуть чуть-чуть и, о боже, начать втирать его в кожу своего идеала. Прикосновение к ее коже, такой мягкой и нежной окончательно вывело его из равновесия. Он гладил, нежил, мял спину Эльвиры, она только удивлялась, как он хорошо, оказывается, умеет делать массаж, может ему стоит переквалифицироваться в массажисты... Рука его спускалась все ниже к главной цели его похоти, и он сам не заметил, что его полотенце развернулось, и набухший член его свисал над Эльвири Аркадьевной. Если бы кто-то зашел сейчас в парилку, то увидел следующую картину: на втором полке на животе с закрытыми глазами лежала женщина в красивом темном купальнике, а над ней на третьем полке, на полотенце лежал молодой человек в плавках, ткань которых была натянута до предела из-за огромного налившегося кровью члена, торчавшего наподобие ствола некоего мифического дерева. Молодой человек черпал некую мазь из баночки стоявшей в ногах лежащей и втирал ее уже в нижнюю часть спины женщины, почти касаясь ее плавок. И вот в очередной раз, проносил руку с новой порцией, он случайно уронил мазь Эльвире на плавки. Прямо в начало той самой ложбинки, которая начинается еле заметно у последнего позвонка, спускаясь вниз, делит попку напополам, разделяя собою две ягодицы, похожие на спелые дыни, углубляется слегка, расширяется, и там ниже, меж зажатых (а иногда широко, жадно раздвинутых) ляжек открывает доступ к двум отверстиям, из-за которых мужчины становятся безумцами. «Ничего страшного, смахни и продолжай» — пробормотала Эльвира Аркадьевна, разморенная жарой и массажем. Он не ослышался! Ему позволено прикоснуться к этому! Он протянул дрожащую руку и дотронулся

до ткани, пропитанной потом. Под ней он почувствовал горячее тело Эльвиры Аркадьевны. Пальцы его легли прямо в ложбиночку между ягодиц и нежно надавив, чтобы смазать мед с плавок, прижали натянутую в этом месте и потому сухую ткань купальника к телу. Видимо от жары в этом месте под трусиками скопилось несколько капелек пота и от нажатия они выступили на ткани небольшим пятнышком. Эти капельки стали последними каплями, которые переполнили чашу его желания, он задрожал всем телом и понял, что кончает: Он увидел, как головка члена набухла еще больше, и начала изрыгать потоки густой спермы. Долгое терпение придало удвоенную силу мужскому органу, и белые тонкие струи стремительно вылетали из него и покрывали тело Эльвиры Аркадьевны. Он не мог остановить это, это было сильнее его, он с трудом сдерживал стон, ощущения его были так сильны, что к удовольствию даже примешивалась небольшая боль. Он стиснул зубы и с ужасом наблюдал за своим членом, который никак не мог остановиться. Сперма разбрзгивалась и на спину и на задницу, с которой он продолжал машинально «стирать» мед, несколько капель долетело даже до волос на затылке Эльвиры и теперь висели там, медленно стекая на шею женщины. В этот момент Эльвира Аркадьевна не оборачиваясь произнесла: «Клади, клади побольше, не жалей, надо всю баночку намазать». И тут до него дошло, что она и не подозревает о том, что происходит у нее за спиной, а думает, что это он продолжает намазывать ее медом. Ощущение полной безопасности вскружило ему голову, и он начал размазывать и втирать свою сперму в ее обнаженные плечи, шею, спину, руки, лежащие вдоль тела. Другой же рукой он схватил член руками и начал бешено массировать его, выжимая остатки спермы. Вид собственной спермы на потном раскрасневшемся теле женщины так возбудил его, что он буквально через пару минут снова кончил, причем теперь он направил поток прямо на трусы Эльвиры, чтобы опять получить предлог пощупать ее за задницу. Его две руки гладили, мяли, массировали, только одна работала над попой Эльвиры Аркадьевны, другая обрабатывала раскрасневшийся член. В этот момент она сказала, что хочет перевернуться, чтобы намазать себя спермой. Он попросил подождать секунду, ему надо было домазать одно плечо, а сам быстро схватил баночку, выжал остатки спермы из члена прямо в нее и перемешал. Потом запахнул полотенце и лег на живот, потому что даже полотенце не могло теперь скрыть его пенис. Потом он сказал что можно переворачиваться, и еще в течении 15 минут наблюдал, как Эльвира Аркадьевна намазывает себе живот, бедра и лицо его спермой, перемешанной с медом. Она что-то говорила про целебную силу этого зелья, сама не подозревая, что уподобляется в данный момент Клеопатре, которая, как известно, использовала мужскую сперму для поддержания своей красоты. В конце концов, на дне баночки осталось совсем немного мази, Эльвира Аркадьевна, сказав, что мед полезен во всех отношениях, засунула пальчик вовнутрь баночки, собрала со стенок остатки и, быстро засунув его в рот, облизала: После этого он сказал, что ему стало жарко и выскочил из парилки. Пройдя в душ он включил прохладную воду, и встал под нее не чувствуя даже разницы температур. Он стоял, закрыв глаза, под тугими струями воды, подставляя под них разгоряченное тело, а перед глазами вставали губки Эльвиры Аркадьевны, сосущие ее пальчик: Догадывалась ли она о его чувствах? Теперь он знает, как выглядит ее ротик, когда она сосет что-либо, и желание воткнуть ей в рот свой хуй стало еще сильнее. (продолжение следует) 23.10.2000— 01.11.2000